

М. Б. КОНАШЕВ

Три генетика. Кафедра генетики Петроградского (с 1924 г. Ленинградского) университета была первой в России и создавалась в соответствии с российскими (возможно, правильнее было бы даже сказать санкт-петербургскими) научными правилами и традициями. Но возникла она на международных «дрожжах», и как школа имела все предпосылки стать международной, по крайней мере по своему значению и влиянию. Важную роль в ее становлении сыграл, сам того не подозревая, американский генетик, создатель хромосомной теории наследственности, Томас Хант Морган. В известном смысле, значительная часть того, что произошло на кафедре генетики в 20-е годы, была прямым следствием отношения к работам Т. Х. Моргана и его личности двух сотрудников кафедры: заведующего Юрия Александровича Филиппенко и Феодосия Григорьевича Добржанского.

Перед знакомством. Исследования на дрозофиле позволили Т. Х. Моргану и его сотрудникам в 1915 г. создать хромосомную теорию наследственности [41], которая принесла Моргану всемирную известность и Нобелевскую премию [34]. Однако хромосомная теория была, как известно, принята не сразу и вызывала (как было принято не так давно писать в газетах) неоднозначную реакцию (см., например, [36]). При этом разница в исследовательских подходах биологов-экспериментаторов и натуралистов сыграла определенную роль как в признании менделизма в целом, так и в том, что менделизм (и генетика) и дарвинизм были в течение первой четверти XX в. как бы по разные стороны баррикад [35]. В России эта особенность сначала была отмечена в форме своего рода конфликта «отцов и детей»: старшее поколение (И. Ф. Шмальгаузен, В. И. Шимкевич, К. А. Тимирязев, И. И. Мечников, П. Ф. Лесгафт) не было готово к восприятию новых идей о наследственности, тогда как младшее (М. А. Мензбир, Н. А. Холодовский, В. М. Шимкевич) отнеслось к ним с большим пониманием [1]. Та же трактовка сохранилась и позднее, только в старшее поколение попал уже М. А. Мензбир, а С. Г. Навашин, Ю. А. Филиппенко и Н. К. Кольцов — в младшее [2]. В основании же конфликта поколений лежало то, что молодые ученые, как американские, так и русские, в том числе Ю. А. Филиппенко, были сторонниками эксперимента и точных количественных данных [36, 18]. Не случайно и лаборатория, которой Ю. А. Филиппенко заведовал с 1918 г., и кафедра, в которую лаборатория была реорганизована в 1919 г., имели в своем названии слова «экспериментальная зоология».

Ю. А. Филиппенко, как и Т. Х. Морган, по образованию был эмбриологом, свои первые научные исследования выполнил как эмбриолог и в качестве такового проделал эволюцию, сходную с той, которую совершил Морган. Суть эволюции (с некоторыми особенностями для каждого) состояла в переходе от скептического отношения к менделизму на позицию его активных сторонников и, более того, к проведению собственных генетических исследований и созданию собственных генетических школ [34, 18]. «Эмбриологическое происхождение» обоих ученых сказалось и на методологии их исследований, и на трактовке ими ряда проблем наследственности, изменчивости и в особенности эволюции. Методологические подходы Т. Х. Моргана и Ю. А. Филиппенко сложились в период интенсивного освоения биологами экспериментальных методов, которые были основаны на принципах,

использованных из методологического арсенала физики. Важную роль в становлении биологов-экспериментаторов, в том числе Т. Х. Моргана и Ю. А. Филипченко, играла стажировка на биологических станциях, в особенности на Неаполитанской. В частности, когда Т. Х. Морган начал свои исследования в морской биологической лаборатории в Вуде Холе, то стремился перестроить эту лабораторию по типу Неаполитанской станции [33]. По отношению к эволюционной проблематике оба исследователя занимали достаточно скептическую позицию. Первоначально, до 1910 г., Т. Х. Морган относился к теории естественного отбора как к чисто спекулятивной. Но даже признав в целом ее правомочность, он продолжал ограничивать значение теории отбора и эволюционной теории в целом, в особенности в решении проблем, которые позднее получили наименование макрорволюционных [32]. Сходных взглядов, хотя и в более мягкой форме, придерживался и Ю. А. Филипченко [31].

Таким был теоретический и методологический багаж Ю. А. Филипченко к моменту развертывания им на кафедре полноценных генетических исследований в политехнике на ней Ф. Г. Добржанского. К этому времени у Юрия Александровича было наиболее благоприятное положение (разумеется, с поправкой на общие тяготы эпохи) для проведения таких исследований.

8 ноября 1917 г. Ю. А. Филипченко защитил диссертацию на степень доктора зоологии и сравнительной анатомии, получив 34 избирательных и 2 неизбирательных голоса. Соответствующее представление физико-математического факультета (от 9 ноября, № 648) было утверждено на заседании Совета Петроградского университета 19 декабря [36]. В 1918 г. Ю. А. Филипченко избирают на должность профессора и заведующего лабораторией (с 1919 г. кафедрой) генетики и экспериментальной зоологии. На кафедре генетики кроме ее заведующего сначала работали К. А. Адрианова-Фермор, Д. М. Дьяконов, В. М. Исаев, а также препаратор И. Ф. Бордзю [20]. Из них двое вскоре скончались: Д. М. Дьяконов 30 сентября, а В. М. Исаев летом 1921 г. [27]. После небольшого пополнения состав кафедры при Ю. А. Филипченко почти не менялся. Освободившаяся должность В. М. Исаева была занята Н. Н. Соколовым, А. И. Зуйтин, Я. Я. Лус и Т. К. Ленин были известны научными сотрудниками с октября 1923 г., а Ф. Г. Добржанский — ассистентом с 13 декабря 1923 г. [28]. Увеличилось и количество обучающихся на кафедре: если в первые после революционные годы на кафедре было только три начинающих аспиранта — А. И. Зуйтин, Т. К. Ленин, Я. Я. Лус, к которым в 1922 г. присоединилось двое студентов — Н. Я. Федорова и Н. Н. Медведев, то в 1923—1924 гг. количество студентов резко увеличилось до двадцати человек [18].

При жизни Ю. А. Филипченко кафедра размещалась в здании биологического факультета на Университетской набережной, а лаборатория генетики, входившая в состав Петергофского естественного научно-исследовательского института (ПЕНИ) со дня его основания, — в бывшем герцогском дворце в Старом Петергофе, где Ю. А. Филипченко проводил «петергофский сезон», т. е. почти все теплое время года [18].

Кроме того, Ю. А. Филипченко возглавлял с момента его создания кафедру по евгенике и был одним из организаторов ленинградского русского евгенического общества, устав которого был утвержден 30 апреля 1924 г. [18]. Помимо основной научной работы в Академии наук (КЕПС, Бюро по евгенике), в университете и ПЕНИ он занимался постоянно обширной педагогической и общественной деятельностью.

Основными направлениями деятельности Ю. А. Филипченко как

ученого и просветителя были: 1) популяризация идей и достижений менделизма, затем генетики; 2) подготовка будущих поколений генетиков, в частности, им был написан ряд учебных пособий; 3) исследование по генетике пшеницы; 4) евгенические исследования.

В начале 20-х годов Ю. А. Филипченко был безусловным лидером каждого из этих направлений.

В 1922 г. Юрию Александровичу «стукнуло» сорок лет, двадцатидвухлетний Добржанский же, всего год как сдав последний экзамен по метеорологии в Киевском университете (с 1920 г. Высший институт народного образования, или ВИНО), стал постоянным ассистентом кафедры зоологии Киевского политехнического института [13]. При всей независимости характера Феодосий Григорьевич в это время не мог не чувствовать себя начинающим, к тому же провинциальным исследователем, что, вероятно, наложило определенный отпечаток на его взаимоотношения (по крайней мере первое время) с Юрием Александровичем и другими сотрудниками. В одном из писем В. И. Вернадскому от 6 мая 1921 г. Феодосий Григорьевич писал, что петроградские зоологи и энтомологи, «кажется, народ суховатый и мало склонный переписываться с провинциалами». А в другом, 7 сентября того же года, жаловался: «Так надоело прозябание в Киеве, а мое полное одиночество побуждает меня стремиться к перемене мест» [12]. Иначе говоря, Ф. Г. Добржанский пребывал в положении, хорошо знакомом многим талантливым людям: ощущение своих незаурядных сил и способностей, желание как можно скорее испытать их в деле и отсутствие возможностей сделать это. К тому же ситуацию усложняли обстоятельства личного порядка.

За время гражданской войны Феодосий Григорьевич потерял всех близких: в 1918 г. скончался отец, в 1920 г. — мать, осенью 1921 г. он получает известие, подтверждающее смерть в эмиграции его духовного наставника и фактически приемного отца, профессора зоологии Киевского университета С. Е. Кушакевича. Следы почти всех родственников были утеряны, и многие из них, как полагал сам Ф. Г. Добржанский, также погибли в гражданскую войну. В. И. Вернадский, которого Ф. Г. Добржанский знал с 1919 г. и для которого выполнял ряд исследований по биогеохимии, в мае 1922 г. уехал во Францию [12].

1922 год был переломным для Ф. Г. Добржанского и в плане научных исследований. Начав еще подростком энтомологические изыскания и в 1917 г. опубликовав свою первую научную статью с описанием нового вида божьих коровок из окрестностей Киева [5], он постоянно продолжает изучение природных популяций. Ему удается опубликовать в разных изданиях несколько статей, написанных на основе собранных данных. Более того, всего через два года после основательного знакомства с генетической литературой и началом собственных генетических исследований на другом объекте — дрозофиле он публикует работу, в которой предлагает менделевскую интерпретацию географической изменчивости и полиморфизма в популяциях божьей коровки [6]. Им была выполнена также первая его собственно генетическая работа по плейотропным эффектам [37]. Прочитав ее, Ю. А. Филипченко послал Ф. Г. Добржанскому письмо с приглашением занять должность ассистента на своей кафедре [40]. Однако до получения этого приглашения Ф. Г. Добржанскому было непросто начать и осуществить исследования на дрозофиле.

Летом все того же 1922 г. Феодосию Григорьевичу удается съездить в Москву в Институт экспериментальной биологии, где С. С. Четвериков поделился с ним культурами дрозофилы, незадолго до этого привезенными из США Г. Меллером. Однако Добржанский

оставался оторванным от двух уже образовавшихся генетических центров — в Москве и Петрограде. В Киеве не только не было других генетиков, генетической команды (а для Добржанского, привыкшего работать в товариществе, в артели, это было очень важно), но и какой-либо новейшей генетической литературы.

Статьи его будущего патрона в «Природе» [23, 24], содержавшие обзор работ школы Т. Х. Моргана, стали, по выражению самого Феодосия Григорьевича, для него откровением. В том числе и потому, что в отличие от старшего коллеги мутанты дрозофилы не были для него «коллекцией уродств, не имеющих никакого эволюционного значения» [39, р. 232]. С работами Т. Х. Моргана Добржанский попытался познакомиться в том же 1922 г. после того, как зимой 1921/22 г. Г. А. Левитский на две недели ездил в Петроград в библиотеку Н. И. Вавилова, пополненную после поездки Николая Ивановича в США новейшей литературой. Вернувшись в Киев, Г. А. Левитский на основе записей, сделанных в библиотеке Н. И. Вавилова, прочитал своим товарищам целый курс по генетике, после чего Ф. Г. Добржанский тоже направился в Петроград. Но поездка принесла разочарование: Ф. Г. Добржанский не знал английского языка, а большая часть литературы была на английском.

В то же время, придя в науку позже Юрия Александровича, Добржанский оказался свободным от некоторых «предрассудков старшего поколения», в частности, веры в плазмон и тому подобные дохромосомные концепции. Если Ю. А. Филипченко пришел в генетику из эмбриологии, то Ф. Г. Добржанский — из энтомологии, в которой представления о виде и изменчивости создавали более благоприятные предпосылки для соединения генетики с дарвинизмом. Тому же способствовал и богатый опыт исследователя-натуралиста, приобретенный Ф. Г. Добржанским в бесчисленных мини-экспедициях по Украине и Северному Кавказу. Хотя оба генетика еще в отрочестве (в 12 лет — Феодосий, в 15 лет — Юрий) прочитали «Происхождение видов» Ч. Дарвина, увлеченность эволюционной теорией у них была разной. К тому же, в силу некоторых обстоятельств (в частности, то, что Ю. А. Филипченко родился и вырос в семье ученого-агронома), Ю. А. Филипченко более склонен был к прикладной науке, а Ф. Г. Добржанский — к чистой теории. Резюмируя, можно сказать, что к моменту их знакомства Ю. А. Филипченко был ориентирован на классические генетические исследования с прикладным уклоном, а Ф. Г. Добржанский — на генетико-эволюционные работы.

Знакомство. Существует версия, высказанная, в частности, автору данной статьи Д. А. Александровым после симпозиума «Ф. Г. Добржанский и эволюционный синтез» (17—19 сентября 1991 г., Ленинград), что очное знакомство Ю. А. Филипченко и Ф. Г. Добржанского состоялось еще до 1924 г. В пользу такой версии, действительно, свидетельствуют некоторые данные. Дело в том, что Ф. Г. Добржанский дважды в 1922 г. и один раз в 1923 г. собирался в Петроград. Первый раз он просил декана сельскохозяйственного факультета Киевского политехнического института командировать его в Петроград «для работы в Зоологическом музее и библиотеке названной Академии на 1 месяц, с 25 июля по 25 августа» [4, л. 21]. Второй раз Ф. Г. Добржанский просил его командировать «в Москву в Петроград на срок с 6 по 26 декабря» того же года для участия в I-м ~~Энтомологическом~~ ^{Энтомологическом} съезде и Всероссийском зоологическом съезде [4, л. 22]. В письме сотруднику Зоологического музея Академии наук А. А. Бялыницкому-Бирুলе от 23 апреля 1923 г. Ф. Г. Добржанский писал, что собирается «в конце лета или осенью быть в Петрограде с целью работы, а может и с целью устроиться у Вас на по-

стоянное жительство» [21, л. 1]. Ю. А. Филипченко входил в комитет по созыву 1-го Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов, состоявшегося в Петрограде с 15 по 21 декабря 1922 г. На третий день работы съезда, 17 декабря, он выступил с докладом «Опытные задачи изменчивости». 21 декабря был утвержден временный комитет Русского общества зоологов, анатомов и гистологов, в который Ю. А. Филипченко вошел от Петрограда вместе с В. М. Шимкевичем, В. А. Догелем, К. М. Дерюгиным и другими петроградскими учеными. Ф. Г. Добржанский сделал на съезде два доклада: «Имагинальная диапауза у божьих коровок» (секция систематики, экологии и зоографии) и «Половая система божьих коровок (Coccinellidae)» (секция морфологии беспозвоночных) [6, 7]. Поэтому нельзя исключить, что Юрий Александрович и Феодосий Григорьевич могли встретиться на съезде в Петрограде. Во всяком случае ясно, что в эти годы у Ф. Г. Добржанского были устойчивые связи с Питером и стремление в него из Киева переместиться. И такой переезд состоялся.

Вместе и врозь. Ф. Г. Добржанский приехал 22 января 1924 г. Несмотря на разницу в возрасте и характерах, между ним и Ю. А. Филипченко установились глубоко личные, дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка [22]. А после того, как 8 августа 1924 г. он стал семейным человеком, они стали дружить домами.

Безусловно, в основе соединения двух столь разных людей лежала преданность науке, хотя, возможно, в наше время эти слова и звучат высокопарно. Множество доказательств тому можно найти в названной переписке. Часто бывало, что Н. П. Добржанская (до замужества Сиверцева) «с последним трамваем уезжала на Петроградскую сторону, а сам Ф. Г. Добржанский после того, как было сделано приходящее на ночные часы очередное наблюдение или вскрытие личинок, куколок дрозофилы, располагался спать на рабочем столе рядом с культурами дрозофилы, положив под голову снятый с себя грубоватый френч» [18, с. 15, 16].

Такая самоотверженность принесла свои плоды. На кафедре генетики Ф. Г. Добржанский успешно продолжил свои исследования многожественного действия генов [38], одновременно строя планы создания целой группы дрозофилистов. Ю. А. Филипченко всячески поддерживал исследования Ф. Г. Добржанского на дрозофиле, даже несмотря на то, что их результаты в определенной степени подрывали его теоретические представления. Он активно обсуждал дрозофилистские планы Феодосия Григорьевича, особенно в канун отъезда последнего в США на стажировку в лабораторию Т. Х. Моргана. По возвращении Ф. Г. Добржанского предполагалось развертывание генетических исследований на дрозофиле. Первоначально в группу дрозофилистов помимо Ф. Г. Добржанского должны были войти Ю. Я. Керкис, М. Л. Бельговский и Н. Н. Медведев [14]. Сама поездка состоялась благодаря хлопотам Ю. А. Филипченко. Кроме того, исходя из данных зарубежных генетиков, в том числе Э. Бауэра, Дж. Лотси, Г. Нильса и Т. Х. Моргана, Ф. Г. Добржанский доказал ошибочность широко распространенного тогда противопоставления видовых признаков расовым и мутационным [11].

В то же время Ф. Г. Добржанский проводил дальнейшие исследования природных популяций божьей коровки, опубликовав до своего отъезда 18 работ. Как и Ю. А. Филипченко, Ф. Г. Добржанский принял активное участие в борьбе с ламаркизмом. Показательно, что их критические статьи появились почти одновременно [9, 10, 25].

Ф. Г. Добржанский был знаком практически со всеми выдающимися генетиками и эволюционистами того времени в нашей стране: С. С. Четвериковым, Н. И. Вавиловым, Г. А. Левитским, Г. Д. Кар-

печенко, И. И. Шмальгаузен, Л. С. Бергом. Со многими из них он обсуждал эволюционно-генетические проблемы, в том числе, конечно, и с Ю. А. Филипченко. Отголоски споров с последним можно найти в их переписке. В результате именно в 20-е годы на кафедре генетики Ленинградского университета Ф. Г. Добржанский сформировался окончательно как генетик-дарвинист, имеющий собственные эволюционные взгляды, хотя и близкие взглядам другого классика отечественной эволюционной генетики — С. С. Четверикова. В работах 20-х годов Ф. Г. Добржанский пришел к представлениям, послужившим (наряду с идеями С. С. Четверикова) отправным пунктом в создании им впоследствии теории микроэволюции.

Во время командировки Ф. Г. Добржанского в США к развертыванию генетических исследований на дрозофиле усиленно готовились по обе стороны океана. В Ленинграде приобреталось необходимое оборудование, обустранивались помещения, обучались люди. Ф. Г. Добржанский, в свою очередь, намеревался привезти с собой коллекцию культур дрозофилы, которая, по его мнению, стала бы первой коллекцией в Европе [14]. Таким образом, в случае возвращения Ф. Г. Добржанского генетико-эволюционные исследования на дрозофиле, безусловно, приобрели бы широкий размах (по крайней мере первое время, до наступления лысенкоизма), а кафедра генетики ЛГУ стала бы крупнейшим центром таких исследований в стране и, возможно, в Европе.

Это тем более вероятно, что Ф. Г. Добржанский был фактически правой рукой Юрия Александровича. Он не только был единственным человеком, который пользовался правом «экстерриториальности», т. е. мог ночевать в лаборатории. Именно он возглавлял первые зоотехнические экспедиции КЕПС в Среднюю Азию и подробнейшим образом отчитывался за ход и результаты этих экспедиций перед Юрием Александровичем [18, 30]. Именно его Ю. А. Филипченко хотел видеть снова во главе экспедиционных отрядов, в том числе в Монголию, несмотря на все самые решительные отказы Ф. Г. Добржанского [14].

Однако, взвесив все «за» и «против», Ф. Г. Добржанский в конце 1929 г. принимает решение остаться в США, а в 1931 г., уже после смерти Ю. А. Филипченко, отказывается от предложения Н. И. Вавилова занять должность ученого специалиста в генетической лаборатории АН СССР. Основными причинами такого решения были страстная увлеченность работой, преданность науке и изменение политической ситуации в СССР. Ф. Г. Добржанский понимал, что он уже не вписывается в тот «прекрасный новый мир», который строится на родине [14].

По разные стороны океана. Период переписки Ф. Г. Добржанского и Ю. А. Филипченко через океан (1928 — начало 1930 г.) был необычайно плодотворным для обоих в научном отношении. О темпах и результатах напряженнейшего труда Ф. Г. Добржанского в лаборатории Т. Х. Моргана красноречиво говорит «Список печатных работ (по 1 января 1931 г.)», приложенный к письму Н. И. Вавилу от 23 марта 1931 г. Из этого списка, включающего 57 работ (в том числе: по генетике — 23, зоотехнике — 3, систематике, морфологии, экологии насекомых — 24, популярные работы, рефераты, мелкие заметки — 10), в 1928—1931 гг. опубликованы 10 работ по генетике, 2 — по зоотехнике и 2 — по систематике, морфологии и экологии насекомых. Таким образом, за это время Ф. Г. Добржанский выполнил половину генетических работ. Некоторые из них до сих пор не потеряли своего значения и высоко оцениваются современными генетиками, в том числе учениками Ф. Г. Добржанского. В свое время

Ю. А. Филипченко рассматривал эти труды как большое достижение.

Что касается успехов Юрия Александровича, то достаточно посмотреть список его трудов за эти годы [18], в число которых вошел целый ряд учебников и монографий, часть которых была издана уже посмертно. Тем не менее, если Ф. Г. Добржанский был принят своими американскими коллегами и начал восхождение по должностной лестнице, положение Юрия Александровича в административно-политическом смысле быстро ухудшалось [14]. Можно строить разные, в том числе чисто спекулятивно-детективные догадки относительно скоропостижной кончины Ю. А. Филипченко. Две вещи, однако, представляются бесспорными: его здоровье было сильно подорвано как перегрузками экспериментально-полевых работ, так и административно-политическими передрягами в университете; остался он живым — разделит бы судьбу генетиков старшего поколения.

Непредвиденные последствия. Невозвращение Ф. Г. Добржанского было не только личной драмой обоих ученых, но и драмой отечественной генетики. На несколько десятков лет прекратилась переписка с коллегами, друзьями, родными. На этот же срок имя Ф. Г. Добржанского исчезло из советской научной и периодической печати, а если и появлялось (например, в «Правде» 2 сентября 1947 г.), то только как имя прямого врага народа. Его статьи с критикой лысенкоизма арестовывались в спецхране [15]. Клеймо «невозвращенец» дважды в 60-х годах помешало ему приехать на Родину [14].

Но, как уже доводилось писать, наука неделима и в разделенном мире, и естественные связи, даже будучи насильственно прерванными, все равно восстанавливаются. Когда это стало возможным, восстановилась переписка между Ф. Г. Добржанским и соотечественниками, появлялись все новые и новые корреспонденты. Ф. Г. Добржанский не только оставил своих учеников в СССР (Ю. Я. Керкис, Ю. Л. Горощенко, Я. Я. Лус, Н. Н. Медведев, причем первые двое последовали за ним в Петроград из Киева), но и оказал несомненное и мощное влияние на развитие генетических и эволюционных исследований, а также на работы по философским проблемам биологии в нашей стране. В конце 80-х — начале 90-х годов его имя вновь было возвращено не только научной, но и широкой общественности благодаря статьям о нем [3, 19] и Международному симпозиуму «Ф. Г. Добржанский и эволюционный синтез», прошедшему 17—19 сентября 1990 г. в Ленинграде [16, 17]. Материалы симпозиума планируется издать в 1994 г. на английском языке. Было бы замечательно не только присвоить имя Ф. Г. Добржанского организуемому вновь в С.-Петербурге Институту генетики (таково предложение участников симпозиума), но и опубликовать в издательстве университета избранные научные труды Ф. Г. Добржанского.

TH. DOBZHANSKY AND THE ORIGIN OF GENETICS AT THE LENINGRAD UNIVERSITY

Konashev M. B.

Summary

The department of genetics at the Petrograd (then the Leningrad) University was established on the initiative of its first chief Yu. A. Philipschenko and in the result of the influence of genetic investigations abroad, particularly of T. H. Morgan's group on the biologists of the Petersburg University. The department was the first University one in Russia and one of the first in Europe, and it had all premises to become the leading centre of genetics in Europe. Philipschenko's and Th. Dobzhansky's scientific interests determined the trends of genetic researches at the department during all the twenties. However Dobzhansky's departure to Morgan's lab considerably modified the original trends in development of the department. The name of Th. Dobzhansky was returned to Russia only recently.

1. Гайсинович А. Е. Проблемы изменчивости и наследственности в русской биологии на рубеже XIX и XX вв. М., 1971.
2. Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988.
3. Галл Я. М., Конашев М. Б. Классик // Природа. 1990. № 3.
4. Городской архив г. Киева. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 21, 22.
5. Добжанский Ф. Г. Описание нового вида рода *Coccinella* из окрестностей Киева // Материалы к познанию фауны Юго-Западной России. 1917. Т. 2.
6. Добжанский Ф. Г. Имагинальная диапауза у божьих коровок // Труды I-го Всероссийского съезда зоол., анат. и гистол. в Петрограде 15—21/XII 1922 г. Пг., 1923.
7. Добжанский Ф. Г. Половая система божьих коровок (*Coccinella*) // Труды I-го Всероссийского съезда зоол., анат. и гистол. в Петрограде 15—21/XII 1922 г. Пг., 1923.
8. Добжанский Ф. Г. О географической индивидуальной изменчивости *Adalia bipunctata* и *A. decempunctata* L. (Coleoptera, Coccinellidae) // Русск. энтомол. обозр. 1924. Т. 18, № 4.
9. Добжанский Ф. Г. Что и как наследуется у живых существ? Л., 1925.
10. Добжанский Ф. Г. К вопросу о наследовании приобретенных признаков // Преформизм или эпигенезис? Вологда, 1926.
11. Добжанский Ф. Г. Обзор генетических исследований видов рода *Drosophila* // Труды по прикладной ботанике и селекции. 1926. Т. 15.
12. Из переписки Ф. Г. Добжанского с В. И. Вернадским // Природа. 1990. № 3.
13. Конашев М. Б., Ф. Г. Добжанский — генетик, эволюционист, гуманист // ВИЕТ. 1991. № 1. С. 59.
14. Конашев М. Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 241.
15. Конашев М. Б. Лысенконизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. Л., 1993 (т. 2) (в печати).
16. Конашев М. Б., Крепенцов Н. Л. Симпозиум, который несколько лет назад был бы невозможен // ВИЕТ. 1991. № 2.
17. Кокашев М. Б., Крепенцов Н. Л., Ф. Г. Добжанский: «возвращение» невозвращенца в СССР // Генетика. 1991. Т. 27, № 6.
18. Медведев С. И. Юрий Александрович Филиппенко. М., 1978.
19. Наумов Г. Ф. Г. Добжанский (1900—1975) и советская генетика (светлой памяти великого биолога) // Генетика. 1989. № 6.
20. Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926.
21. ПФА РАН. Ф. 291. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 1.
22. РО РНБ. Ф. 813. Ед. хр. 282—284, 1282.
23. Филиппенко Ю. А. Хромосомы и наследственность. // Природа. 1919. № 7—9. С. 327—350.
24. Филиппенко Ю. А. Закон Менделя и Моргана // Природа. 1922. № 10. 12.
25. Филиппенко Ю. А. Наследственность приобретенных свойств // Наследственные ли приобретенные признаки? Л., 1925.
26. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 120 об., 124 об., 125.
27. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Ед. хр. 114. Л. 50, 77.
28. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Ед. хр. 114. Л. 49; Ед. хр. 152. Л. 147.
29. ЦГАНТД СПб. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 161—166.
30. Я. Я. Лисис. Жизнь и научная деятельность Ф. Г. Добжанского. Рига, 1985. 236 с.
31. Adams M. B., Elphinstone, Hunt, Aleksandravich // Dictionary of Scientific Biography. New York, 1990. Vol. 17. Suppl. II.
32. Allen G. E. Hunt, Morgan, and the Problem of Natural Selection // J. Hist. Biol. 1968. Vol. 1.
33. Allen G. E., T. H. Morgan and the emergence of a new American biology // Quarterly Review of Biology. 1969. Vol. 44, N 2.
34. Allen G. E., Morgan Thomas Hunt // Dictionary of Scientific Biography. New York, 1974. Vol. 1.
35. Allen G. E. Naturalists and experimentalists: the genotype and the phenotype // Studies in History and Philosophy of Biological Sciences. 1974. Vol. 5, N 1.
36. Allen G. E. The emergence of a new American biology: T. H. Morgan and the emergence of a new American biology // Studies in History and Philosophy of Biological Sciences. 1974. Vol. 5, N 1.
37. Dobzhansky Th. Über den Ursprung des Geschl. *Sapozhnikov* einer Mutanten von *Drosophila melanogaster* // Verhandl. 1924. Bd 34.
38. Dobzhansky Th. Studien über die Entstehung und Verbreitung von bestimmten Genen in *Drosophila melanogaster* // Zeitschr. für wissenschaftliche Zoologie. 1927. Bd 43.
39. Dobzhansky Th. The Birth of a new synthesis: the theory of evolution in the Soviet Union in the 1920's // The evolution of synthesis perspectives on the unification of biology. L., 1980.
40. Land B. Evolution of a scientist: the two worlds of Th. Dobzhansky. New York, 1974.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ВЛАДИМИРСКИЙ

Ю. И. ПОЛЯНСКИЙ

А. П. Владимирский был избран заведующим кафедрой экспериментальной зоологии и генетики после скоропостижной кончины Ю. А. Филипенко летом 1930 г. и возглавлял ее в течение девяти лет, до своей смерти в 1939 г. Как и его предшественник, Александр Петрович скончался в полном расцвете сил в возрасте 53 лет. Жизненный путь его был трудным. Он родился 1 апреля 1886 г. в многодетной бедной семье сельского священника в «глубинке» бывшей Таврической губернии. Среднее образование Александр Петрович получил в Таврической духовной семинарии, которую закончить ему не удалось, так как он был исключен за полгода до окончания за свободомыслие и участие в нелегальных кружках. Экзамен на аттестат зрелости он сдал весной 1907 г. в гимназии в Ялте. Это дало ему возможность осенью того же года поступить на естественное отделение физмата С.-Петербургского университета, к чему Александр Петрович стремился с детских лет.

В университете А. П. Владимирский специализировался по кафедре зоологии беспозвоночных, которой заведовал В. Т. Шевяков, а с 1914 г. — В. А. Догель. Сам Александр Петрович считал себя учеником В. А. Догеля, к которому относился с огромным уважением и любовью.

Студенческие годы были очень трудными для Александра Петровича в материальном отношении. В 1907 г. скончался его отец, и он остался без всякой материальной поддержки. Пришлось, обучаясь в университете, самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Несмотря на все трудности, студент А. П. Владимирский обратил на себя внимание В. А. Догеля и по окончании университета был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию (по современной номенклатуре — в аспирантуре), а через год был назначен ассистентом по кафедре зоологии беспозвоночных. В 1925 г. Александр Петрович становится доцентом.

С момента создания Петергофского института (первые годы существования он назывался естественнаучным — ПЕНИ, позднее был переименован в биологический — БИНИИ) А. П. Владимирский становится ближайшим помощником В. А. Догеля по организации в институте лаборатории зоологии беспозвоночных. В этой лаборатории и протекает в основном научная работа Александра Петровича.

Еще в студенческие годы Александра Петровича интересовали разные биологические проблемы, а также философские вопросы. В университете, кроме активной работы на кафедре, он включился в деятельность студенческого научного кружка при факультете, выступая с докладами. В результате появляется его первая печатная работа «Диалектика в мире и науке» [2]. Знакомство с этой статьей показывает, как глубоко изучил юный студент немецкую классическую философию и особенно труды Гегеля. Способность к широким обобщениям (наряду с экспериментальной работой) характерна и для дальнейшей деятельности А. П. Владимирского, что нашло выражение в статьях, посвященных эволюционной теории, экспериментальных работах по изменчивости, чтении курса эволюционного учения.